

ЦЕННОСТИ

Марина ТОКАРЕВА

Окончание. Начало на стр. 09

— «Современник» оправдывал свое имя от десятилетия к десятилетию, оставаясь актуальным для разных поколений. Как режиссер ощущает, что сегодня важно сказать со сцены?

— Меняется время, и ты это чувствуешь. И не важно, что именно для режиссера является поводом, импульсом для высказывания. Спектакль «На дне» возник потому, что изменилось что-то внутри нас, внутри театра. Был такой момент, когда я произнесла про себя это слово «дно». И ночью побежала спрашивать у соседки пьесу. Она испуганно сказала: «Нате!» Утром я позвонила Ефремову и сказала: «Буду ставить Горького».

— Откуда берется опыт, из каких кирпичиков строится? Театр ведь довольно герметичная система жизни...

— Для того театра, которым я занимаюсь, именно люди дают мне импульсы.

Многих из них я никогда не забуду. Бабушку, которую встретила в нише храма во Владимире. Другую, с фанерным чемоданом, в плюшевом зипуне, которая летела со мной в Лондон к дочке, когда-то попавшей в немецкий плен, чудом разысканной братом через Красный Крест... Моего консультанта в «Трех товарищах» Диму Петрова, который сидел в Чечне в плену много месяцев. Оказавшуюся в деревне под Самарой Жизель, француженку-лени-

Галина Волчек считает трагикомедию главным жанром — театра и жизни

Душа — имя существительное

нистку, за которой огромный пласт любви, преданности... Людей, которых я встречала повсюду — в поезде, в самолете, на рынке, на улице, в аптеке... Этим и отличается режиссер, например, от бухгалтера — видит людей.

— Режиссер-женщина оказалась способной на поступки, на которые, возможно, не отважился бы мужчина. Вы не испугались объявить невыездной всю труппу, когда за границу не пустили Гафта и Квашу, не заменили Табакова в «Обыкновенной истории», когда у него был инфаркт, не единожды оказывали сопротивление КГБ и ЦК. При этом про вас известно, что вы по природе трусиха?

— Нет смысла это обсуждать. Когда в Швецию не пустили «Вишневы сад», я сказала на собрании: двоим из нас запретили поездку, я тоже приняла решение не ехать, а вы можете поехать без меня. И все проголосовали единогласно — против. Мне домой звонили вежливые голоса, говорили: вы понимаете, что делаете? — А вы? — отвечала я. Они нас, а мы их брали измором.

А Олега я и не собиралась заменять, просто ждала, когда он выздоровеет...

Живу всегда в завтра

Мужчины, пережив то, что легло на ее покато-элегантные плечи, спиваются. А она начала приглашать на постановки других режиссеров.

...Она рвет свои фотографии и отшатывается от себя в зеркале, но ее обаяние считают принудительным: противиться нельзя. С годами внутреннее воплотилось внешне — Волчек похорошела необычайно. Диапазон жизненных ролей — от матушки-барыни до «матерого человецища». Жесткая и сердечная, слабая и сильная, она тащит свою истину сквозь годы.

Недоброжелатели ропщут: Волчек сделалась профессиональной тусовщицей. Не понимая, она стала жизнеобеспечивающей системой «Современника», имя и связи поставила на службу главному делу.

На Чистых прудах есть свой атлант, и он держит театр.

— Когда вы сегодня думаете о своих спектаклях, какой из них вспоминаете безмятежно?

— Нету такого! Я всегда чем-то бываю недовольна. Не умею, к сожалению, быть собой довольной. Ни в чем. Я не люблю свое изображение, у меня нет в доме моих портретов. Лю-

ди входят в лифт и никогда не пропустят зрело, а я всегда становлюсь к нему спиной.

— Оставшись без Ефремова, вы на свой страх и риск позвали в театр нескольких многообещающих новичков — Валерия Фокина, Иосифа Райхельгауза. Они выросли в лидеров благодаря и вашей «муштре»?

— Не думаю, но Валерия Фокина я всегда ставлю в пример молодым режиссерам, у которых неоправданное пренебрежение ко всему, кроме собственного отражения. Когда я вмешалась в его первый спектакль, стала рушить и строить заново, он имел мужество и терпение. Не фырчал, не гавкал, знал, что я делаю это, любя его. Ему было больно, но он это вытерпел, понял и принял. Победили не его амбиции, а желание научиться профессии. Потому он и стал таким мастером, что прошел этот путь.

— К вам часто бывали несправедливы. Даже Государственную премию за спектакль «Крутой маршрут» дали одной Марине Нееловой, «не заметив» постановщика. Поэтому вы постепенно перестали ставить спектакли и начали приглашать на постановки других?

— История с премией — часть обдуманной политики тех, кто хотел доказать нашу смерть. Не получилось. Но меня так долго убеждали в том, что я плохой режиссер, театра нет, я ставить не умею, что это повлияло на мою жизнь. Хотя я ее считаю счастливой.

Я человек очень благодарный Богу, но счастливые моменты умею фиксировать, только оглядываясь. Рождение сына, премьеры «Эшелона» в США... Я была первой, никто в США до меня не ставил. Еще подумала: как банально — утром проснулась знаменитой. Счастье было от победы, от дикого напряжения, от невероятного приема.

— Но собственным актерством вам все же пришлось пожертвовать?

— Иначе не было бы театра. Однажды какая-то столичная журналистка брала у меня интервью, и, отвечая на этот же вопрос, я ей сказала: театр меня перемолол. Потом в газете прочла заголовок: «Дама из мясорубки». Но когда репетирую с актерами, играю десятки ролей.

— Какие впечатления жизни на вас существенно повлияли?

— Я однажды с собой сыграла в эту игру. Много лет назад я была дома одна, муж уехал в командировку, и я задала себе вопрос, который

можно задать себе, когда тебя никто не слышит, никто за тобой не наблюдает и ты можешь быть совершенно честной с собой. Поставила себе жесткие рамки — что именно за это двадцатилетие, с тех пор, как окончила институт, на меня повлияло? Не понравилось, не восхитило, а именно повлияло. Был 76-й год. Не говорю про людей, не беру свое детство, Ромма и Эйзенштейна, которые бывали в нашем доме, выношу за скобки Олега Николаевича, своего учителя и нашего общего вождя, формировавшего наши вкусы и пристрастия. Только впечатления.

«Мещане» Товстоногова, итальянский неореализм, «Матренин двор» Солженицына, весь Феллини, «Пьета» Микеланджело (не думала никогда, что скульптура может так эмоционально влиять на человека, простояла у «Пьеты» в Риме, наверное, больше часа, обливаясь слезами). Такой был отбор.

Её обаяние считают принудительным: противиться нельзя. Диапазон жизненных ролей — от матушки-барыни до «матерого человецища». Жесткая и сердечная, слабая и сильная, она тащит свою истину сквозь годы

— Вы как-то сказали, что планета «Театр» сегодня — выжженная земля, и мы все виноваты в этом. Что вы имели в виду?

— Недавно видела афишу какого-то фестиваля с лозунгом «Театр для людей». А для кого еще он должен быть?.. Нас многие путают сегодня, придумывают разную терминологию. Психологический театр не то же самое, что бытовой. Бытовой театр сегодня не интересен, я думаю, никому. А вот психологический театр, помноженный на время, на экстремальные состояния, в которых мы все сегодня живем, я верю, не умрет никогда. Даже если его уничтожат, потом все равно найдутся люди, которые поймут, что без театра для людей сцена существовать не может.

— В каком времени вы больше живете — вчера, сегодня, завтра?

— Всегда завтра. Так все время бегу, бегу.

— Ваши артисты, которых вы наблюдаете с очень близкой дистанции много лет, кто

они для вас — чудовища, соратники, близкие люди? С кем вы получали за эти годы творческий кайф?

— Кайф — с очень многими. Среди них — Марина Неелова, Чулпан Хаматова. В понятие театра, которому я служу, входит обратная связь артистов с режиссерами, не обязательно дружба, но такая вольтова дуга. Театр — круглосуточное занятие, когда я выпускаю спектакль с актрисой или артистом, репетиция в театре потом продолжается по телефону. Мы живем, договаривая, и это не кончается...

— В день рождения театра вы будете играть «Крутой маршрут». Есть предыстория у этого спектакля?

— Общая для всех нас. Когда-то я прочитала рукопись Евгении Гинзбург под одеялом, мне ее дали на одну ночь, и, естественно, мечтать не мечтала, что настанет момент, когда можно будет перенести ее на сцену. Это было пер-

вое, что я истерически кинулась делать, как только стало можно. Спектакль появился, когда в журнале «Даугава» еще последние главы не опубликовали. Мы играем его 10 лет, он, как кардиограмма, реагирует на все колебания времени. Совсем недавно в финале человек из зала крикнул: «Простите нас!».

На «горячую линию» в «МК» мне позвонила девушка и сказала: «Меня зовут Даша, я учусь в медицинской академии, меня привели родители в театр, когда мне было 12 лет. Сейчас мне 18, и я за эти годы весь ваш репертуар смотрела не по одному и не по два раза». Это был один из самых приятных для меня звонков. То, что наш зал очень помолодел, для меня главное.

— Если бы вы стали сегодня выбирать материал для собственной постановки — в каком жанре искали бы?

— Трагикомедия. Это не жанр для меня — это суть театрального дела. И жизни тоже. ■